

УДК 634.8(470.67)(091)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-35-42

М.А. Абдулпатахов, Н.Н. Гарунова

Еще раз к вопросу об особенностях взаимоотношений дагестанских владетелей с российскими военными властями в первой трети XVIII века

Дагестанский государственный университет; Россия, Республика Дагестан, 367000, г. Махачкала, ул. М. Гаджиева, 43а; tuxlich2010@mail.ru, garunovani-na@mail.ru

В статье рассмотрены отдельные вопросы, связанные с действиями, которые российская военная администрация предпринимала, чтобы прочно обустроиться на территории новых провинций. Данные мероприятия были необходимы для того, чтобы закрепить позиции России на всей территории Прикаспия.

Проанализированы мероприятия российских властей, от имени которых коменданты вели переписку с дагестанскими владетелями, проводили процедуру выкупа христианских пленников, осуществляли военную помощь и строительство крепостей, то есть способствовали продвижению и закреплению России на территории Кавказа. Рассмотрена деятельность комендантов Дербента, которые занимались предписанными им функциями, связанными с военными, политическими, организационными и финансовыми вопросами. Они курировали сбор налогов, вели переписку с центром, отправляли отчеты, рассматривали споры.

Дана характеристика военных и политических отношений дагестанских владетелей с российскими военными властями в контексте реализации кавказской политики Петра. Исследован вопрос влияния российских войск в Дагестане на феодальных владетелей, а также отношения отдельных владетелей к политике российских военных властей на территории Кавказа.

Актуальность темы обусловлена тем, что политические отношения, связи и сегодня – это важная и необходимая составляющая системы государства.

С помощью принципа системности исследована взаимосвязь взаимоотношений российской администрации и владетелей с Каспийским походом Петра I.

По ряду архивных документов, в которые входят указы, донесения, распоряжения первой трети XVIII века, прослежены взаимоотношения российских властей с дагестанскими владетелями.

Цель статьи – осветить одну из сторон в политической истории России на Северо-Восточном Кавказе, рассмотрев характер, суть и механизм процессов, которые складывались между участниками политических взаимоотношений в данном регионе в первой трети XVIII века.

Ключевые слова: комендант, гарнизон, империя, Персидский поход, Петр I, присяга, феодальные владетели, уцмий, крепость, провинция, политика.

Введение

Активизация внешней политики Российской империи петровского периода на кавказском направлении имела свои последствия в Дагестане.

Отразилась она на том, как складывались отношения с такими крупными странами, как Иран и Турция, и отношениях феодальных владетелей Дагестана друг с другом. От того, насколько сплоченными и согласованными были действия дагестанских

политических структур, иногда зависела сама возможность существования народов региона.

А.В. Барнаш [1], А.М. Гасанова [2], Н.Н. Гарунова [3, 4], С.Л. Дударев [5], Ю.Ю. Клычников, А.А. Цыбульникова [6], А.Д. Курбанов [7], Н.Д. Чекулаев, Ш.А. Магарамов, Е.И. Иноземцева [8; 10], А.О. Муртузаев [9] и другие авторы, рассматривали в своих работах отдельные аспекты исследуемой темы.

В состав Российской империи после 1722 года вошли бывшие персидские провинции, что способствовало развитию торговли Дагестана с Российской империей. Ноевые прикаспийские провинции были интересны для императора Петра I как военный, стратегический и экономический объект. Соперниками Российской империи в регионе были Иран и Турция, которые веками отстаивали свои интересы в Прикаспии. Турция понимала слабость Ирана и поэтому стремилась увеличить свои территориальные владения на Кавказе [1].

Российское правительство догадывалось о планах турок, усиление позиций которых мешало реализации интересов России. Российские военные власти понимали необходимость контроля политической ситуации на вновь приобретенных территориях, тем более что со стороны некоторых стран такие присоединения вызывали опасения и озабоченность, по поводу усиления российского присутствия в регионе [3].

Начало Каспийского похода Петра I обеспокоило крупных феодальных правителей, среди которых был уцмий Кайтагский, Дауд-бек Мюшкюрский, Сурхай-хан из Каизкумуха, поэтому были призывы оказать сопротивление русским войскам, но все ограничилось разговорами. Этот поход скорее вызвал очень сильную озабоченность у представителей Османской империи [9, с. 132].

Обязанности комендантов в процессе реализации кавказской политики России

Круг обязанностей комендантов как проводников российской политики был расширен. Кроме выполнения прямых обязанностей коменданта в Дербенте, связанных с управлением, он должен был осуществлять контроль за феодальными владетелями, особенно теми, которые признали подданство России. Обязательным условием была отправка от них аманатов, которые содержались в крепости. Команданты получали предписания по поддержанию разносторонних отношений с представителями дагестанских владетелей. Без помощи наиба, который возглавлял народное ополчение, имел судебные и полицейские функции, которому подчинялись некоторые другие административные лица в Дербенте, комендант не мог обходиться [8, с. 56].

При осуществлении кавказской политики России комендант Дербента имел определенные полномочия и играл в этом процессе весомую роль. Это видно на примере записей коменданта Юнгера, журнал которого включает большое количество документов, относящихся к деловой переписке с дагестанскими владетелями, больше всего – с шамхалом Тарковским и уцмиеем Кайтагским.

Для выполнения возложенных на него функций комендант Дербента отправлял специальных людей в горские владения, которые находились в зоне влияния России, с целью сбора сведений о местных настроениях. Это было необходимо для того, чтобы получать своевременно информацию, важную для интересов Российского правительства. Для сбора разведывательных данных привлекали казаков или дагестанцев³³.

Так, комендант получил информацию в начале 1725 года о том, что один из феодальных владетелей, Чопан-шамхал из Эндирия, отправил посланцев в Крым с целью

---

³³ ЦГА РД. Ф. 11. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

получить военную помощь. В Коллегию иностранных дел было отправлено соответствующее донесение [8, с. 52].

Комендант Юнгер писал А.П. Волынскому 31 мая 1723 г., что согласно данным, которые получены от Султана-Махмуда из Аксая, из Крыма «солтан вместе с Даудбеком и другими народами» собирается напасть на крепость Святого Креста [8, с. 53].

В рапорте главнокомандующего Низовым корпусом генерала М.А. Матюшкина в Военную коллегию о политической обстановке на «новозавоеванных» областях даётся обзор политической ситуации, обращается внимание на информацию армянского епископа Мардироса в Дербенте о том, что уцмий, Сурхай и шамхал вместе с наибом города пришли к согласию в решении об «уничтожении армян и русских», которые проживали в Дербенте. В подтверждение епископ приложил допросы людей, которые ему сообщили об этом³⁴.

Российские военные власти в лице коменданта Дербента пристально следили за теми действиями, которые предпринимал Сурхай-хан. Коменданту предписывалось наблюдать с целью предупреждения его действий по разорению территорий, которые подвластны России. В случае же, «если он совершил нападение на войска русских», следовало незамедлительно об этом сообщить в коллегию.

Петру I доносили и военные, и комендант в письме от 20 сентября 1722 г., и дербентский наиб Имам-Кули-бек о том, что уцмий нападал на Дербент, на построенное укрепление на реке Дарбаге, откуда увез пушки [10, с. 12]. Это был немалозначимый инцидент, так как при этом нападении погибли гарнизонные люди.

В письме дербентского коменданта А.Т. Юнгера генералу М.А. Матюшкину о письме от Сурхай-хана к наибу о разорении уцмийских сел в отместку за нападение уцмия на Дербент от 18 января 1723 г. указывается, что «существуетссора с Даутбеком; Кура, Куба и Кулаган объединились с целью выгнать уцмия из его владения, при этом получив в собственность его деревни. В данный момент «у Сурхая с шамхалом хорошие отношения. Уцмий за нападение на Дербент должен быть подвергнут разорению». В момент нападения уцмия на Дербент Сурхая не было рядом, но он выражает свою верность российским властям, предлагает быть вместе с ними. Каравульным «даны распоряжения тщательно следить за дорогами, чтобы ни люди Даутбека, ни люди уцмия не напали». Предлагалось прислать уполномоченного представителя, который «засвидетельствует их правдивость»³⁵.

Уцмия наказали за такое поведение: его разгромил отряд атамана Краснощекова, который вдобавок, еще и разорил поселения на территории Нижнего Кайтага. Но даже такое суровое наказание уцмия не остановило. Он стал действовать более решительно и активно, окончательно испортив отношения с Российской военной администрацией. Уцмий неоднократно нападал на Дербент или ближайшие поселения, разоряя и громя их [9, с. 133].

В «Рапорте» генерала М.А. Матюшкина в Военную коллегию от 16 октября 1725 г. описывается экспедиция против шамхала Адиль-Гирея и его союзников³⁶.

В 1725 году комендант доносил в Коллегию иностранных дел, что были получены известия о посланце от шамхала к шаху. Он сообщает, что в послании указано, как уцмий и Адиль-Гирей просят их извинить. Кроме того, сообщается о нападении на Ба-

---

³⁴ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 4. Л. 19.

³⁵ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 63. Л. 624.

³⁶ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 14.

кинский и Дербентский уезды иранцев, которые выступят вместе с войсками шамхала и кайтагскими войсками³⁷.

В письме уцмия Ахмед-хана к дербентскому коменданту А.Т. Юнгеру и наибу Имам Кули-беку уцмий пишет, что «его верный слуга мулла Магамет Казы с шихом Сафи и с людьми дербентского коменданта приехали к нему, посоветоввшись со старшинами, чтобы совершить примирение». Мулла предлагает прислать посредника, чтобы искоренить любую вражду, чтобы были «только мирные отношения, дружба и приятство с русскими». Такое же письмо было адресовано и наибу³⁸.

В «Донесении» князя В.В. Долгорукого в Военную коллегию о склонении дагестанских владетелей на российскую сторону от 11 мая 1727 г. сообщается о встрече с уцмием, где ему было разъяснено, какие преимущества имеют те владетели, которые дали присягу на верность России. Уцмий изъявил желание присягнуть, но делал это недостаточно искренне. После его присяги в оппозиции остался один Сурхай.

В «Донесении» дербентского коменданта А.Т. Юнгера кабинет-секретарю А.В. Макарову о желании уцмия Кайтагского признать вину и возместить ущерб за нападение на Дербент описано подробно, как люди с «конницей» забрали у дербентских жителей возле Дербента крупный скот 200 голов, баранов 4 тысячи голов. По тому, как рассказывали дербентские жители, с войском были дети уцмия и он сам. Они и побили дербентцев», пятнадцать человек «Позже уцмий предложил прислать в отдельную деревню по несколько человек, для того чтобы договориться». Он не хотел, чтобы перед представителями центральной власти было рассказано о таком разорении, тем более, что «он хочет быть верным императрице и засвидетельствовать эту верность». Уцмий хотел отдать эту скотину дербентцам, но Юнгер в письме написал, чтобы уцмий «отдал сначала скотину, а потом уже пытался загладить вину свою». Он прислал посредников, чтобы ему подтвердили, что его простили и народ это видел, потому как он «не хочет никаких недомолвок и конфликтности» между нами. Скотину он вернет, а зату, которую уже порезали, вернет деньги. Хочет получить прощение, хочет жить в мире и согласии³⁹.

По Указу императора и по предложенным им мерам было принято решение о поисках шамхала Адиль-Гирея, который настроен был всегда недоброжелательно по отношению к России. Он присыпал аманатов, хотел принимать присягу, просил, чтобы дали честное слово, что к нему не применяют смертную казнь. Его отправили в крепость Святого Креста, где он был со своим окружением, вместе с аманатчиками⁴⁰.

В «Донесении» генерала М.А. Матюшкина в Военную коллегию, датированном июнем 1726 года, описываются мероприятия, связанные с плениением шамхала Адиль-Гирея⁴¹.

В «Донесении» генерала В.В. Долгорукова кабинет-секретарю В.В. Макарову об обстановке в Дагестане от 21 сентября 1726 года указывается на слабость командного состава. Он подчеркивает, что писал об этом неоднократно, но резолюций не получил в ответ. Посланный сюда навести порядок, он сетует, что наличие квалифицированных командиров очень бы повлияло на ситуацию. На время отъезда в горы он боится за

---

³⁷ ЦГА РД. Ф. 18. Оп. 1. Д. 2. Л. 3.

³⁸ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 74. Л. 847.

³⁹ Там же. Л. 845.

⁴⁰ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 81.

⁴¹ Там же.

Дербент и Сулак. Указывает также, что некоторые просят владетели увеличить им жалованье, на что он отвечает, что «сначала надо показать свою службу перед Россией»⁴².

В «Донесении» генерала В.В. Долгорукова в Военную коллегию от 4 апреля 1727 г. подробно описываются меры по усилению российских позиций на Западном Прикаспии⁴³.

Отдельные документы иллюстрируют происшествия, связанные с похищением скота, о которых пишут в столицу. Например, в «Донесении» генерала Г.С. Кропотова кабинет-секретарю А.В. Макарову описывается факт угона нескольких отар овец и коз у шамхала Тарковского⁴⁴.

Мероприятия российского правительства по выкупу пленных христиан

Для владетелей всего Северо-Восточного Кавказа, в том числе и Дагестана, на протяжении XVIII века достаточно часто предпринимались такие экспедиции, как взятие в плен людей с целью получить за них выкуп. И хотя такие «коммерческие» предприятия имели жестокий характер, но из-за получаемой большой прибыли они сохранились длительный период. Российские власти понимали сложность такой практики, вводили запретительные и ограничительные меры, иногда имевшие незначительный эффект.

В качестве основных объектов в таком жестоком промысле выступали купцы, русские солдаты, а также те люди, которые жили на сопредельных территориях. В подобной ситуации местным властям в лице комендантov предписывалось оказать содействие, для чего в объеме казенных денег выделялись отдельные средства. Их можно было использовать в качестве компенсационных выплат тем феодальным владельцам, от которых бежали пленники. Это применялось только к людям, которые признавали себя российскими подданными.

Сам Петр инициировал процессы выкупа пленных, иллюстрацией чего служат отдельные архивные данные. В «Сведениях» от 30 августа 1722 г. указывается о выкупе пленных-грузинах Петром Великим у дербентских жителей. Здесь описана процедура уплаты выкупа из его собственных ресурсов за десять человек на сумму 443 рубля⁴⁵.

В «Сведениях» от 5 сентября 1722 г. также указано, что в лагерь прибыли грузины и армяне, шесть христиан, которые также были у дербентских жителей выкуплены из плена, на сумму двести тридцать рублей⁴⁶.

Захват людей в плен для горского населения Северо-Западного Кавказа, по мнению исследователя С.Л. Дударева, был частью сферы общественных практик, которые присутствовали в регионе [5, с. 293]. В дореволюционный период авторы называли это «хищничеством». Исследователи-кавказоведы при обращении к данной теме используют такую терминологию, как «работоторговля» и «пленопродавство» [6, с. 48].

Заключение

Вопрос – о присутствии российской армии в 1722–1735 гг. в Прикаспии, один из важных процессов в истории реализации политики России на Кавказе. Следует учесть такой важный момент, как постоянное соперничество Персии и Османской империи за

---

⁴² РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 77. Л. 1032.

⁴³ РГВИА. Ф. 20. Оп. 1/47. Д. 9. Л. 131.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 9. Оп. 4. Д. 78. Л. 216.

⁴⁵ Там же. Ф. 396. Оп. 2. Ч. 2. Д. 1102. Л. 324.

⁴⁶ Там же. Л. 340.

ареал влияния в регионе. Российское правительство проводило политику, направленную на усиление своего влияния на людей, проживающих в регионе. Для этого в регионе использовалась деятельность гарнизонов российской армии. Каспийский поход Петра I был самой масштабной акцией, в результате которой была решена важная внешнеполитическая задача, решавшаяся в местности иного цивилизационного пространства и в условиях другой социокультурной среды.

Исследователи справедливо полагали, что Северный Кавказ для России имел геополитическое значение, что обусловило активизацию ее политики в этом регионе. Россия, в отличие от других стран, очень своевременно и быстро смогла оценить ту огромную роль, которую имел этот регион как контактная зона между Западом и Востоком, как место надзора за Ираном и Турцией.

Россия использовала различные методы и способы для привлечения на свою сторону дагестанских владетелей. Одним из способов воздействия были экономическая политика и торговля. Не случайно вокруг каждой крепости на Северном Кавказе, как только она была построена, формировались поселения, куда приезжало много местных жителей из населявших регион народов.

Литература

1. *Барнаш А.В.* Российская империя и Северный Кавказ: проблемы взаимной адаптации // Вопросы истории. 2021. № 8–1. – С. 164–169.
  2. *Гасanova А.М.* Земельные отношения в праве народов Дагестана XVIII–XIX вв. // Вопросы истории. 2022. № 5–1. – С. 136–147.
  3. *Гарунова Н.Н.* Казачьи городки и крепости в Низовьях Терека в XVII–XVIII вв.: мифы и реальность. – Махачкала, 2016. – 170 с.
  4. *Гарунова Н.Н.* Сочинение И.-Г. Гербера «Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря» как источник о взаимоотношениях Российского государства и казаков региона в XVIII в. // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2020. Т. 35, вып. 2. – С. 21–28.
  5. *Дударев С.Л.* К истории Северного Кавказа XVIII – начала XXI в. Сборник научных статей и рецензий. – Армавир: АГПУ; Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. – 382 с.
  6. *Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А.* «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. – Пятигорск: РИА КМВ, 2011. – 256 с.
  7. *Курбанов А.Д.* Присоединение Гази-Кумухского ханства к России // Вестник Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. 2018. № 1 (36). – С. 46–52.
  8. *Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д.* Западный Прикаспий в составе Российской империи (1722–1735 гг.): сборник архивных документов. – Махачкала: Мавраевъ, 2020. – 376 с.
  9. *Муртазаев А.О.* Отношения Кайтага с дагестанскими владениями в контексте кавказской политики Петра I (военно-политический аспект) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26), ч. III. – С. 132–135.
  10. *Магарамов Ш.А., Чекулаев Н.Д., Иноземцева Е.И.* История Дербентского гарнизона Российской императорской армии (1722–1735 гг.). – Махачкала: Лотос, 2021. – 192 с.
-

References

1. Barnash A.V. The Russian Empire and the North Caucasus: Problems of Mutual Adaptation // Questions of History. 2021. № 8–1. – Pp. 164–169.
2. Gasanova A.M. Land relations in the law of the peoples of Dagestan XVIII–XIX centuries // Questions of history. 2022. № 5–1. – Pp. 136–147.
3. Garunova N.N. Cossack towns and fortresses in the Lower Terek in the 17th–18th centuries: myths and reality. – Makhachkala, 2016. – 170 p.
4. Garunova N.N. The composition of I.-G. Gerber "Description of countries and peoples along the western coast of the Caspian Sea" as a source on the relationship between the Russian state and the Cossacks of the region in the 18th century // Bulletin of the Dagestan State University. Ser. 2.: Humanities. 2020. Vol. 35, issue. 2. – Pp. 21–28.
5. Dudarev S.L. On the history of the North Caucasus in the 18th – early 21st centuries. Collection of scientific articles and reviews. – Armavir: ASPU; Stavropol: Design Studio B, 2022. – 382 p.
6. Klychnikov Yu.Yu., Tsybulnikova A.A. "So violent freedom laws are oppressing...": the struggle of Russian statehood with predation in the North Caucasus (historical essays) / ed. And with the foreword. V.B. Vinogradov. – Pyatigorsk: RIA KMV, 2011. – 256 p.
7. Kurbanov A.D. Accession of the Gazi-Kumukh Khanate to Russia // Bulletin of the Kabardino-Balkarian Institute for Humanitarian Research. 2018. № 1 (36). – Pp. 46–52.
8. Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D. Western Caspian within the Russian Empire (1722–1735): a collection of archival documents. – Makhachkala: Mavraev, 2020. – 376 p.
9. Murtazaev A.O. Kaitag's relations with the Dagestan possessions in the context of the Caucasian policy of Peter I (military-political aspect) // Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice. Tambov: Diploma, 2012. № 12 (26): in 3 parts. Part III. – Pp. 132–135.
10. Magaramov Sh.A., Chekulaev N.D., Inozemtseva E.I. History of the Derbent garrison of the Russian Imperial Army (1722–1735). – Makhachkala: Lotos, 2021. – 192 p.

Поступила в редакцию 1 июня 2022 г.

UDC 634.8(470.67)(091)

DOI: 10.21779/2542-0313-2022-37-3-35-42

Revisiting the Question of the Relationships of the Dagestan Authorities with the Russian Military Authorities in the First Third of the 18th Century

M.A. Abdulpatahov, N.N. Garunova

*Dagestan State University; Russia, Republic of Dagestan, 367000, Makhachkala,
M. Gadzhiev st., 43a; muxlich2010@mail.ru, garunovanina@mail.ru*

The article discusses certain issues related to the actions that the Russian military administration took to firmly settle in the territory of the new provinces. These measures were necessary in order to consolidate Russia's position throughout the entire Pre-Caspian region.

Among the issues discussed are the activities of the Russian authorities, on behalf of which the commandants corresponded with the Dagestan authorities, carried out the procedure for the ransom of Christian captives, carried out military assistance and the construction of fortresses, finally contributing to the advancement and consolidation of Russia in the Caucasus. The activities of the commandants of Derbent, who were engaged in the functions assigned to them related to military, political issues, organizational and financial, are considered. They oversaw the collection of taxes, corresponded with the center, sent reports, and considered disputes.

The characteristics of the military and political relations of the Dagestan rulers with the Russian military authorities in the context of the implementation of Peter's Caucasian policy are given. The issue of the influence of Russian troops in Dagestan on the feudal lords, as well as the attitude of individual lords to the policy of the Russian military authorities in the Caucasus, have been studied.

The relevance of the topic is due to the fact that political relations and communications today are an important and necessary component of the state system.

Using the principle of consistency, the relationship between the Russian administration and the rulers with the Caspian campaign of Peter I was investigated.

According to a number of archival documents, including decrees, reports, orders of the first third of the 18th century, the relationships between the Russian authorities and the Dagestan rulers are traced.

The purpose of the article is to highlight one of the sides in the political history of Russia in the North-Eastern Caucasus, considering the nature, essence and mechanism of the processes that developed between the participants in political relations in this region in the first third of the 18th century.

Keywords: *commandant, garrison, empire, Persian campaign, Peter I, oath, feudal lords, utsmiy, fortress, province, politics.*

Received 1 June 2022